

СЕМАНТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 81'373.612

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСЕМЫ *ДЕТИ* В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВА СЛОВА

Е.И. Аюпова

Аннотация

Статья посвящена одной из актуальнейших проблем современной теоретической лингвистики – проблеме тождества слова. В работе сопоставляются традиционные взгляды на явления полисемии и омонимии и теория семантического словообразования, предложенная представителями Казанской лингвистической школы. В качестве иллюстрации к основным теоретическим положениям статьи приводится анализ специфики семантического развития лексемы *дети*.

Ключевые слова: проблема тождества слова, полисемия и омонимия, семантическое словообразование, развитие лексического значения.

Проблема тождества слова была и остаётся одной из самых актуальных проблем лексикологии. До сих пор не выработаны чёткие критерии для разграничения вариантов словоупотребления и омонимов. Если при полном отсутствии смысловой близости между внешне тождественными лексическими единицами вопрос решается однозначно в пользу омонимии, то при наличии семантических связей между такими лексемами он остается открытым. Что перед нами: одно и то же слово, окрашенное контекстуальными семантическими нюансами, или слова-омонимы, самостоятельные лексические единицы, хоть и связанные друг с другом в деривационном плане?

В работах В.М. Маркова (см., например, [1, 2]) и его учеников блестяще развита идея о семантическом способе словообразования, описаны продуктивные модели метафорического и метонимического типа. Позиция казанских исследователей в общих чертах заключается в следующем. При смене предметной соотнесенности, сопровождающей метафорическое и метонимическое переосмысление, слово изменяет все или многие свои характеристики: лексическую семантику (включая коннотацию), место в лексической системе языка (и, соответственно, весь комплекс системных связей), грамматические свойства (частеречную принадлежность, род, одушевленность/неодушевленность, переходность/непереходность и т. п.), функциональную специфику (лексическую и грамматическую сочетаемость, типичные синтаксические конструкции и позиции и

под.). Следовательно, семантическое переосмысление ведет к появлению нового слова, омонимичного по отношению к исходному. В таком случае говорить о многозначности и лексико-семантических вариантах – значит нарушать принцип тождества слова. Очевидно, что ни о каком тождестве, кроме внешнего, не может быть и речи.

Что же касается наличия семантической связи между исходным словом и его метафорическим или метонимическим «двойником», то эта связь интерпретируется в словообразовательном аспекте. Скажем, *звезда* ‘небесное светило’ и *звезда* ‘популярная киноактриса’ связаны типовыми деривационными отношениями и соотносятся как производящее и производное, мотивирующее и мотивируемое. Единственное отличие такой деривации от традиционных способов словообразования заключается в отсутствии формально выраженного словообразовательного средства, поэтому в таких случаях следует говорить о безморфемном (или семантическом) словообразовании.

Важно также помнить и о необходимости разграничения явлений языка и речи. В повседневной речевой практике появляется масса метафорических и метонимических «однодневок», которые, однако, не становятся фактами языка, то есть узуальными, общеупотребительными единицами. В такой ситуации, разумеется, нельзя говорить о появлении нового слова (как нельзя признавать новыми словами и морфемные окказионализмы). Очень много подобных окказиональных семантических производных порождает и художественная речь (особенно поэтическая). Можно говорить даже о своеобразной многозначности поэтического слова, о совмещении в одном слове нескольких смыслов (а не о замещении одного смысла другим), однако это явление встречается только в пределах конкретного контекста, то есть также на уровне речи.

Точка зрения Казанской лингвистической школы опирается, кстати сказать, на авторитет выдающихся языковедов – А.А. Потебни и Л.В. Щербы, чье мнение по данному вопросу незаслуженно оставлено без внимания современным официальным языкознанием (см. об этом подробнее в [1, с. 122–123]). По нашему убеждению, изложенная позиция доказывает несостоятельность традиционных взглядов на полисемию и лексико-семантическое варьирование в их отношении к омонимии, представленных, например, в следующем высказывании: «Среди существительных очень распространены случаи, когда один и тот же фонетический и орфографический комплекс употребляется для обозначения **различных** предметов, причём нередко принадлежащих к **разным** сферам человеческой деятельности, **без разрушения тождества слова**» (выделено нами. – Е.А.) [3, с. 121]. Хотя в лексикографической практике семантически родственные омонимы часто не различаются (то есть считаются «вариантами» одного слова), в лингвистической теории все же следует признать отсутствие полисемии на уровне языка при неограниченных возможностях контекстуального варьирования слова в речи: когда то или иное словоупотребление становится регулярным, узуальным, нужно говорить о рождении новой лексемы, а не нового значения многозначного слова.

При метафорическом или метонимическом переносе значения происходит смена денотата, которая позволяет достаточно чётко отграничить производное слово от производящего. Особенно ярко это заметно, когда название неосу-

шевленного предмета становится базой для наименования человека (ср. *звезда* 'объект неживой природы' > 'человек', *крошка* 'мелкий предмет' > 'маленький ребенок' и т. п.). При этом, разумеется, изменяются также сигнификативный и коннотативный компоненты значения, в структуре которых, как правило, сохраняются некоторые общие с производящим словом семы – те, на базе которых и произошел перенос (например, в случае со *звездой* это семантические признаки 'яркость, блистание', 'привлекательность, притягательность', 'высота, недостижимость' и под.). И все же, несмотря на наличие этих общих признаков, сохраняющих ощущение «родственности» двух слов, в целом семантический комплекс (каковым является лексическое значение каждого отдельно взятого слова) изменяется, без сомнения, кардинальным образом, и этот процесс нередко сопровождается, как уже говорилось, сменой грамматических сем и серьезной трансформацией функциональных свойств слова.

Однако в языке могут происходить не только метафорические и метонимические переносы, но и другие семантические трансформации лексем, например изменение объема значения – его расширение или сужение. Если случаи переноса можно изобразить в виде частично пересекающихся кругов, совпадающих в области общих сем, то изменение семантического объема иллюстрирует большой круг, в который полностью включается круг меньшего размера. Другими словами, такие лексические единицы соотносятся как частное и общее, конкретное и абстрактное.

Процессы семантического расширения или сужения рассматриваются обычно в диахроническом аспекте, они «могут быть представлены как общие законы исторической семасиологии» [4, с. 40], но при сосуществовании на одной временной плоскости исходной и производной лексем можно говорить и о живых словообразовательных связях, даже о вполне продуктивных моделях данного типа, хотя и нередко синтаксически связанных, зависимых от определенных конструкций. Так, во фразах *у меня дочь с характером*, *у их сына есть голос*, *у тебя температура*, *он человек с положением* и т. п. представлено, по нашему мнению, сужение денотативного объема («общий признак» > «частное проявление признака, носящее интенсивный характер») и соответствующее расширение сигнификативного компонента семантики (производные слова, в отличие от производящих, осложнены новой семой, конкретизирующей их значение). С формальной точки зрения подобные случаи, думается, следует отличать от процесса семантического включения, в ходе которого наблюдается редукция устойчивого сочетания: (сахарный) *песок*, (стиральный) *порошок*, (атмосферные) *осадки* и пр., хотя в принципе *песок* и *порошок* как общие названия твердых веществ мелкой консистенции и их указанные «бытовые» разновидности находятся именно в гипо-гиперонимических отношениях и прекрасно иллюстрируют процесс изменения семантического объема лексемы в рамках синхронии.

До сих пор речь шла о типовых явлениях, однако в ряде случаев семантические изменения протекают специфически, под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов, в силу своеобразия исторической судьбы конкретных лексем. К таким случаям относится и судьба лексемы *дети*, заслуживающей особого рассмотрения.

Слово *дети* имеет индоевропейский генезис и длительную историю в языке. Будучи коррелятом множественного числа к не сохранившемуся до наших дней собирательному существительному **деть*, лексема *дети* в течение всего периода своего существования сохраняла некоторую автономность, семантическое и функциональное своеобразие, хотя и приобрела со временем соотносительность с сингулятивами *дитя* и *ребенок*.

Семантика лексемы *дети* (сохранившей, впрочем, ядерные смысловые компоненты) не оставалась неизменной и пережила некоторое развитие, результаты которого нашли отражение в толковых словарях. Известно, что в соответствии с лексикографической традицией более или менее близкие значения полисемантического фонетического слова (так называемые «лексико-семантические варианты») приводятся в одной словарной статье. Это мы наблюдаем и в рассматриваемом случае. В современном русском языке существительное *дети* способно выступать в двух основных значениях: 1) ‘мальчики и/или девочки в раннем возрасте, до отрочества’; 2) ‘сыновья, дочери’ (*Ож.*, с. 163).

Конечно, есть еще метафорические значения, разившиеся на базе основных и реализующиеся в типовых контекстах и устойчивых оборотах, например: *Вы дети* (= неопытны) *в этом вопросе*; *Они были детьми* (= порождением) *своего времени* и под. Переносное значение ‘люди как порождение какой-либо среды, эпохи и т. д.’, возникшее на базе второго из основных значений, в *МАС* (с. 393) рассматривается даже как равноправное первым двум прямым значениям слова, тогда как значение ‘наивные, неопытные люди’ считается лишь модификацией первого основного значения. В любом случае, по нашему мнению, метафорические производные должны квалифицироваться как новые лексемы, образованные семантическим способом по регулярным словообразовательным моделям. В свете вышеизложенного вопросов они не вызывают. Нас интересует в данном случае ситуация с двумя основными (прямыми) значениями слова, которые равноправны по отношению друг к другу и ни одно из них не выводится из другого путем стандартной семантической мотивации. Именно рассмотрение этих значений позволит нам снова обратиться к сложной проблеме тождества слова. В первом из этих значений актуализируется возрастной признак – семантика невзрослости. Поэтому слово может, во-первых, функционировать как признаковое, в составе предиката, в сочетании с наречиями меры и степени (*Мои племянники ещё совсем дети*), а во-вторых – вступать в антонимическую связь с четким возрастным обозначением *взрослые* (*Дети всегда любопытнее взрослых*). Следовательно, данное значение лексемы можно назвать «возрастным» (ср. его толкование в *МАС*: ‘малолетние’).

Во втором значении реализуется признак кровного родства (‘потомки по прямой линии по отношению к родителям’) безотносительно к возрасту. В этом значении вполне допустимо и кажущееся на первый взгляд оксюморонным сочетание *взрослые дети* (ср.: *Мои дети стали уже совсем взрослыми*). В данном значении (назовем его «родственным») лексема часто сочетается с притяжательными местоимениями или родительным падежом со значением принадлежности (*Мои дети, как и дети моей подруги, уже обзавелись собственными семьями*), а также образует антонимическую оппозицию с существительным

родители, также относящимся к наименованиям человека по признаку кровного родства (*Дети должны заботиться о пожилых родителях*).

Примеры употребления явственно показывают, что в обоих случаях перед нами выступают омонимичные лексемы, имеющие, очевидно, общее происхождение, но разошедшиеся семантически и выработавшие собственные лексические (антонимические, синонимические и пр.) связи и функциональные особенности. Вдумаемся хотя бы в тот факт, что, оставаясь в пределах обозначений лица, эти слова входят в разные ЛСГ – наименования человека соответственно по возрасту и по родственным отношениям!

Вопрос о тождестве слова может показаться решенным, если бы не одно любопытное обстоятельство: в современном русском языке встречается (и довольно регулярно) третий случай – когда оба указанных значения **совмещаются**. Иначе говоря, до сих пор вполне употребительно синкретичное значение слова ‘малолетние сыновья и/или дочери’, не отмеченное в словарях. Это значение позволяют вычленивать контекстуальные маркеры, указывающие на наличие как «возрастной», так и «родственной» семантики, ср.: *Мать кормит детей*; *Мои дети играют в песочнице* и под. Однако показательно, что во фразах типа *Женщина кормит детей* (своих или чужих?), *Дети играют в песочнице* (незнакомые малыши или сыновья и/или дочери конкретного человека?) налицо не семантический синкретизм, а двусмысленность, снимаемая в более широком контексте.

Итак, можно ли считать отдельным словом лексему *дети*, выступающую в третьем, совмещенном («родственно-возрастном») значении? И как это значение соотносится с первыми двумя? Подобная ситуация квалифицируется Ю.Д. Апресяном как моносемия с «включительно-дизъюнктивной организацией семантических компонентов»: «если $A = 'B \text{ или } C'$, то $A = 'либо B, либо C, либо B \text{ и } C \text{ одновременно}'$ » [5, с. 186]. Таким образом, наличие «контекстов, в которых одновременно реализуются оба семантических компонента», позволяет считать лексему однозначной, тогда как «исключительная дизъюнкция – признак полисемии» [5, с. 186].

На наш взгляд, при наличии ярко выраженных значений ‘B’, ‘C’ и ‘B+C’ следует говорить не о моносемии или полисемии, а об омонимии родственных лексем, связанных друг с другом словообразовательными отношениями. Несомненно, исторически исходной (в плане деривации – производящей) является лексема-синкрета, совмещающая в себе семантику родства и возраста. Об этом свидетельствует и этимологическая связь существительного *дети* с глаголом *доить* (см. об этом, например, в (*Фасм.*, с. 516); (*Черн.*, с. 246–247)), предполагающая обязательное указание как на соответствующее кровное родство, так и на невзрослость (*дети* – ‘те, кого мать кормит молоком’, то есть малолетние, несамостоятельные, зависящие от родительской опеки). В процессе исторического развития семантики слова происходила контекстуальная актуализация той или иной из двух основных сем, которую закрепляла постепенно сложившаяся типовая сочетаемость (например, употребительность притяжательных местоимений при реализации семантики родства). Особенно показательна, повторимся, парадигматическая дифференциация производных лексем, их включение в различные синонимические и антонимические ряды: 1) *дети* (= *мальчики*,

девочки, младенцы, малыши, малолетние и под.) ≠ *взрослые*; 2) *дети* (= *сыновья, дочери, чада, потомство, наследники* и под.) ≠ *родители*.

Таким образом, на основании синкретичного значения в результате распада единого смыслового комплекса возникли семантическим путем два новых вполне самостоятельных омонимичных слова, имеющих свои индивидуальные особенности и связанных друг с другом лишь в деривационном плане – как два элемента словообразовательного гнезда, находящиеся на одном расстоянии от мотивирующего слова. При этом лексема с исконным синкретичным значением до сих пор достаточно частотна (видимо, в силу экстралингвистической взаимосвязи «возрастного» и «родственного» признаков у соответствующих референтов), поэтому, подчеркнем, можно говорить не только об этимологической близости омонимичных лексем, но и о живых словообразовательных связях (хоть и не вписывающихся в какую-либо продуктивную модель). Интересно, что аналогичный распад семантического комплекса не произошёл в существующих сингулятивах к слову *дети* – в лексемах *дитя* и *ребёнок*. Здесь мы наблюдаем только образование производных со значением возраста на базе синкретичных лексем (*Ей уже за сорок, но она еще совсем ребёнок/дитя*). Фразы вроде **Мой ребёнок обзавелся собственной семьей* не типичны, они носят окказиональный характер (в такой ситуации более употребительны точные наименования родства – *сын* или *дочь*), что ещё раз подтверждает индивидуальный характер подобных семантических изменений.

Summary

E.I. Ayupova. Deti Lexeme Semantic Development Specificity in Terms of Word Identity Problem.

The paper regards the word identity problem, this being one of the most important problems of modern theoretical linguistics. Traditional views on the phenomena of polysemy or homonymy and the theory of semantic derivation, proposed by representatives of Kazan linguistic school, are compared in the work. As an illustration to the main theoretical propositions of the paper, semantic development specificity for *deti* lexeme is analyzed.

Key words: word identity problem, polysemy and homonymy, semantic derivation, lexical meaning development.

Источники

- МАС* – Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1982. – Т. 1: А – Й. – 702 с.
Ож. – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
Фасм. – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – СПб.: Terra – Азбука, 1996. – Т. 1: А – Д. – 576 с.
Черн. – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. язык, 1994. – Т. 1: А – Пантомима. – 623 с.

Литература

1. *Марков В.М.* О семантическом способе словообразования в русском языке // *Марков В.М. Избранные работы по русскому языку.* – Казань: ДАС, 2001. – С. 117–135.

2. *Марков В.М.* О семантическом способе образования слов // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – С. 135–142.
3. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 296 с.
4. *Балалыкина Э.А.* Основные направления семантического развития слова // История русского языка. Словообразование и формообразование. – Казань: УНИПРЕСС, 1997. – С. 33–41.
5. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. – М.: Школа «Языки русской культуры», «Восточная литература», 1995. – Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). – 472 с.

Поступила в редакцию
24.07.08

Аюпова Елена Ильдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.

E-mail: eyupova@yandex.ru